

ИЗ АРХИВА № 243-1988-20246 С. 15 ПОЭТА

[...] В те годы Самаркандом правил Тамерлан — он же Тимур-Хромец — покоритель всей Азии и той части Европы, которую он не поленился опустошить. За этим достохвальным занятием прошла чуть не вся жизнь Тимура; редкий же свой досуг проводил он в славном городе Самарканде. И в эти дни все жители дрожали за свои карманы, которые Тимур вкупе со своими министрами имел обыкновение опустошать. Кроме того, он рубил головы, причем если усекновение главы сопровождалось конфискацией имущества, казнимые не слишком пеняли на судьбу. Если султан обезглавливал отца семейства, сам он держал ответ за этот грех перед Магометом, а сын казенного мог найти себе нового отца или на худой конец тестя (или же сразу четырех, как то разрешалось законом). Но куда труднее добыть себе новое имущество взамен конфискованного.

И потому те, кто потерял и родственников, и добро, были этим крайне недовольны. Те, кто лишился только родственников, были безропотны и покорны. Те же, кому омерзительно заводили большие семьи и кого множеством налогов обрабали до нитки, были самыми озлобленными и неверными престолу подданными. И все жители Самарканда — когда Тимур был достаточно далеко, чтобы не слышать их, — в один голос возмущались непомерными платежами, божились, что не имеют более денег и на чем свет стоит кляли войну. Когда же Тимур взял Дели*, они тотчас снарядили к нему посольство, поздравившее Его Величество с победой и принесшее смиренные просьбы об облегчении налогов, которых, по их словам, платить им не под силу. Тимур принял хвалу с восхитительным изысканием, Верхом же изыскательства был его ответ посольству. Он сказал, что величайшей честью для него — если не считать особого покровительства Магомета — является исполнение воли граждан Самарканда, что все свои победы он одерживает исключительно ради них, что легион, снаряженный на средства его верноподданной столицы, покрыл себя бессмертной славой, особенно те одиннадцать тысяч, что принесли свои жизни на алтарь Победы, где всем им хватило места. Имена их будут жить в веках и потомки с гордостью станут вспоминать сегодняшний день. И теперь, чтобы одержать верх в его маленьком споре, ему не хватает каких-то жалких нескольких тысяч новых рекрутов да пяти-

В 1982 году американский ученый, профессор Лесли А. Марчанд, работая с архивом Байрона, обнаружил в его записной книжке неизвестный доселе раскрас. Изучив почерк, специалисты установили бесспорное авторство поэта. В начале рассказа отчетливо читается дата «14 марта 1816 г.». Профессор Марчанд, многие годы изучающий творчество Байрона, в своем предисловии к рассказу пишет, что именно в это время Байрон ощутил кризис темы Востока в своей поэзии. Но все, что он знал о Востоке, о его истории, о его обычаях, продолжало волновать его, требовало художественного воплощения. И тогда Байрон написал рассказ об одном из эпизодов многолетнего жестокого правления Тамерлана, написал с едкой иронией, следуя в этом сатирической традиции Свифта.

Мы предлагаем вниманию читателей фрагмент из прозаического произведения великого английского поэта, который был опубликован на страницах английского еженедельника «Таймс литерари саплимент».

сот тысяч золотых туманов, которые он надеется незамедлительно получить. А до тех пор часть господ послов останется у него заложниками, прочие же немедленно вернутся в Самарканд с тремя сотнями штандартов и хвостом цапли, снятым с головы убитого монгольского генерала, и поместят все это в самаркандской мечети между упряжью Валаамовой ослицы и священным занавесом из усыпальницы в Мекке.

[...] Назначенное празднество удалось на славу, народные благодарения милостиво приняты, песни пропеты, вино (ибо самаркандцы не были слишком ревностными магометанами) выпито [...]. День был великолепен, ночь величественна, и на следующее утро весь Самарканд проснулся с головной болью.

[...] Назавтра в полдень Калиль, похожий после вчерашних возлияний на шафран, шел на базар, встречая по пути знакомых, которые все как один, страдали общим с ним недугом, как вдруг услышал голос доносящийся с минарета. Но в том состоянии, в каком пребывал Калиль, не было никакой возможности совершить подобающее каждому благочестивому му-

сульманину преклонение, и потому он решил отложить молитву до вечера.

Но вскоре, услышав, что голос с минарета говорит лишь о мирских делах, он присоединился к толпе, собравшейся у мечети. И слух его уладили такие речи: «Именем Тимура-Хромца, чье тело — совершенство, чье слово — мудрость, чьи деяния — [милосердие?], брата солнца и луны, двоюродного брата планет, дальнего родственника самых удаленных звезд, царя всего мира, которому ни в чем не может быть отказа (в противном случае он все приобретает своей волей), именем его вы, законопослушные подданные и почтенные жители города Самарканда, приглашены сюда с тем, чтобы жребием решить, кто будет среди тех одиннадцати тысяч добровольцев, которые пойдут с непобедимой армией самого крохотного из монархов. Кроме того, вы должны со всей возможной быстротой собрать пятьсот тысяч туманов ссуды Его Величеству, причем на столь необременительных условиях, какие только могут быть предоставлены из монархов. В силу этого все дальнейшие подати, налоги, долги, пошлины и прочее будут отменены, за исключением одного совсем маленького налога, совершенно необязательного для тех, кто предпочтет обходиться без того, на что он наложен, а именно — налога на дыхание. Тот, кто не захочет дышать, будет освобожден от всех видов уплаты».

[...] Сначала собравшиеся молча смотрели перед собой, потом потупились, потом зашептались, потом возроптали. Бедный люд не желал идти в армию, но зато каждый горячо доказывал стоящему рядом выгоды военной службы. Богатые же безвозмездно отдавали друг другу право первым внести пожертвование. И чин единый человек не выказал ни воинственности, ни щедрости. Ропот растекался, подобно потоку воды, громче и громче, пока не перерос в неистовый рев. Послышались удары, полетели камни, кликнули стражу, мужчины побежали по домам за саблями, завязжали женщины, завопили дети. На улицах начались беспорядки. Самарканд утратил былое здравомыслие.

Вставшие граждане Самарканда изгоняют оставленный в городе парфянский гарнизон и отправляют Калиля к персидской царице Софье с просьбой взять город под ее покровительство.

[...] Не успел Калиль отъехать на час пути от городских ворот, как стал спраши-

вать себя о сути своего поручения и о возможных последствиях. Он смутно представлял, будет ли толк от Софьи, а если и будет, то какой. Он знал, что Тамерлану не понадобится ни особых сил, ни самого малого предлога, чтобы превратить Софию в мумию и воссесть на вершине пирамиды, возведенной из тел самаркандцев. Ему потребовалось всего три минуты, чтобы все тщательно взвесить, и в конце концов как истинный патриот он в один миг переменял свои взгляды. И впрочем, и дорогу. И вместо того чтобы направиться в Исфахан, Калиль повернул на дальнюю дорогу.

[...] На следующее утро после прибытия Калиля Его Величество скрутил острый приступ подагры, которая так воспламенила его члены и буйный нрав, что Калиль возжелал последовать предписанным инструкциями путем — решился, пришедшее ему в голову позднохоту. Но избежать аудиенции было уже невозможно, ибо Тимур был человеком дела и даже во время болезни ничего не откладывал на потом. И вот Калиль, облаченный в долгополый официальный халат, между двумя длинными двойными шеренгами белых и черных евнухов, расставленных, как фигуры перед игрой, был проведен в царский шатер и, трепеща, пал ниц. Когда Тамерлан вместо ожидаемых людей и денег получил вести о восстании и изгнании войск, он пришел в бешенство и поклялся голубем, который вынул горошину из уха Магомета, и горбом священного верблюда, что посылает солью то место, где стоял Самарканд, а его жителей пустит на корм воронам.

Это был первый взрыв страстей, но мало-помалу Тимур решил удовлетвориться тем, что он называл «взыскать с каждого десятого». По царскому способу счета это означало наказание девяти из десяти и штраф с десятого. Правда, из особого благоволения к Калилю Тимур решил помиловать его (Калиль успел обратиться в пепел свои верительные грамоты Софье) как самого лояльного и единственного преданного подданного во всем своем родном городе.

Тамерлан слов на ветер не бросал. Так и не дождавшись ответа Софьи жители Самарканда, проснувшись однажды утром, увидели, что город их превратился в ставку Тимура, а его армия удостоилась высокой чести выделить охрану для их безупречного во всех отношениях посла, верно-подданнейшего Калиля.

Перевел с английского
Сергей ОЛЮНИН